

ГОРА АРАРАТ В РУССКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКАХ

РОБЕРТ ХАЧАТРЯН

Русские средневековые исторические и литературные памятники, являясь бесценной сокровищницей для истории русского народа, вместе с тем, содержат в себе ценнейшие и интереснейшие данные и сведения и по истории других стран и народов. Много подобных материалов содержится в них и по истории Армении и армянского народа. В русских летописях и других литературных памятниках уделено много места и горе Арарат, интерес к которой в дальнейшем преемственно перешел как в русскую науку, так и в художественную литературу.

В русских летописях и других средневековых источниках наименование горы Арарат, как правило, приводится во множественном числе, в форме «Араратские горы». При этом, наряду с основным написанием в виде «горы Араратские»¹, фигурирующем в большинстве летописей, мы встречаем также следующие варианты: «горы Араратские»², «горы Араратские»³, а также «горы Раратские»⁴ и др. Из этих вариантов в русскую науку в дальнейшем вошла форма—«Араратские горы».

Естественно, что гора Арарат прежде всего фигурирует в разделах летописей, посвященных истории «сотворения мира», в соответствии с библейской традицией, в связи с легендой о всемирном потопе⁵. Из многочисленных примеров приведем лишь один: «И наведе Господь потоп на землю и потопа всяка плот(ь). Егда же исяче вода от лица всея земли, изыде Ное ис ковчега и есть древо ковчега на горах Араратских между Парфы и Армены и до ныне. И оттоле начаша корабли творити и по морю плавати»⁶.

Упоминание о том, что Ноев ковчег остановился на горе Арарат, имеется почти во всех русских летописях, но мы цитируем именно эту, так как здесь содержится еще одна деталь—утверждение того, что «есть древо ковчега на горах Араратских... и до ныне».

Естественно, что мы не уделили бы внимания этому утверждению, если бы оно в дальнейшем не оказало определенного влияния на интерес к горе Арарат у русских людей и не послужило бы своего рода толчком для наблюдений и выводов, мало относящихся к самому ковчегу. Как будет видно из дальнейшего, версия о нахождении Ноёва ковчега на вершине Арарата не прошла бесследно. Она, видимо, была известна

¹ «Патриаршая или Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей» (далее—ПСРЛ), т. 10, СПб., 1885, с. 128.

² «Софийская первая летопись» (ПСРЛ, т. 5, СПб., 1851, с. 181).

³ «Симеоновская летопись» (ПСРЛ, т. 18, СПб., 1913, с. 65).

⁴ «Летопись по Воскресенскому списку» (ПСРЛ, т. 7, СПб., 1856, с. 151).

⁵ См., например, «Хронограф редакции 1512 года» (ПСРЛ, т. 22, ч. 1, СПб., 1911, с. 29).

⁶ «Рогожский летописец» (ПСРЛ, т. 15, изд. 2-е, вып. первый, Петроград, 1922, с. 5—6).

читателям летописей и вызвала в дальнейшем живой интерес у русских путешественников к вопросу о возможности восхождения на вершину горы Арарат.

В средние века в России была создана большая и интересная литература, принадлежащая перу русских путешественников. Это—особый род литературных памятников, именуемых «хождениями». Не все авторы «Хождений» были путешественниками в прямом смысле этого слова. Среди них мы встречаем государственных и церковных деятелей, совершавших служебные поездки, купцов, ездивших по торговым делам, людей, совершавших паломничество ко святым местам, и наконец, путешественников в собственном смысле этого слова. Именно это обстоятельство придало «Хождениям» более широкий диапазон, ибо, будучи людьми разных профессий и широких интересов, они замечали и отмечали в своих записях многие явления и факты, которые могли бы ускользнуть от внимания обыкновенных путешественников. В их сочинениях собрано много интересных сведений и об Армении⁷. Особенно много таких данных в сочинениях русских путешественников XVII века—Якова Лызлова, Федота Котова, Василия Гагары, Арсения Суханова и др. В данной статье мы рассматриваем лишь ту часть их сочинений, которая относится к горе Арарат. Весьма интересные материалы в этом плане содержатся в сочинении Федота Котова, русского купца, совершившего путешествие в Персию в 1623—1624 годах и оставившего описание своей поездки—«Хождение купца Федота Котова в Персию». Этот исторический источник начала XVII века неоднократно публиковался и исследовался русскими учеными⁸. В числе многих интересных данных об армянском населении Персии, городе Ереване и др., заслуживают интерес и сведения Котова о горе Арарат. Описывая ее, Котов пишет: «Да под тем же городом Раваною на полдень стоит гора добре высока и велика. А верх взошел, что колпак. А русских верст до ней ходу от города Равана больше десяти. А около тое горы ходу, сказывают, пять дней. А на тон горе лежит вековой снег зимою и летом и на тое гору восходу нет никому. А на той горе стоит Ноев Ковчег. А персы и турки тое гору называют Султана агры, той горе зов. по их. Да они же зовут Баш Дакеми, а по нашему по руски на верху горы ковчег. А у нас тое гору зовут Арарат»⁹. Как видим, Котов, прежде всего, дает краткое, но красочное описание Арарата и сообщает сведения не только о расстоянии от Еревана до горы, но и о величине ее окружности, измеряя ее пятью днями ходьбы. Из его изложения ясно видно, что он знаком не только с русским наименованием горы «Арарат», но и с упомянутой нами русской летописной версией о «нахождении» на ее вершине Ноева ковчега. Если бы он, как думают некоторые исследователи, услышал об этом в Армении, то не писал бы: «а по нашему по руски на верху горы ковчег». Весьма интересно также утверждение Котова, что «на тое гору восходу нет никому», потому что «на тое горе лежит вековой снег зимою и летом». Из дальнейшего изложения мы увидим, что этот вопрос продолжал и потом интересовать русских путешественников, и они внесли в его толкование ряд новых интересных нюансов.

⁷ Беглый очерк об этом см.: С. Арешян, Заметки русских путешественников об Армении (XIV—XVIII вв.) (*Հայաստանի Գիտությունների ակադեմիայի հանդես*), 1951, № 3, сс. 43—52).

⁸ Мы ссылаемся на публикацию Н. Кузнецовой, Хождение купца Федота Котова в Персию, М., 1958, с. 109—наиболее полную, сверенную с остальными списками, с предисловием и комментариями Н. Кузнецовой.

⁹ «Хождение купца Федота Котова в Персию», с. 56—57.

Современником Федота Котова был русский купец Василий Гагара, который через десять лет после Котова, в 1634—37 гг. совершил большое путешествие в Царьград, Иерусалим и Египет через Кавказ, Армению и Ближний Восток. В «Хождении» Василия Гагары имеются весьма ценные данные об Армении, в частности, о городе Ереване и о горе Арарат. Его сочинение также имеется в ряде списков и публикаций¹⁰. Нами тщательно рассмотрены все ниже указанные издания и публикации, так как на основе одной из них невозможно полностью охватить весь материал в сочинении Гагары. В одних публикациях имеются детали, которых нет в других. Имеются также существенные различия.

Василий Гагара—интересная личность. Богатый купец, проживший по собственному признанию довольно бурную жизнь, он решил, с целью покаяния, совершить паломничество ко святым местам. Он выбрал путь через Грузию и Армению.

В сочинении Гагары также большое место занимает гора Арарат. Легенда о Ноевом Ковчеге была настолько привлекательной, особенно для паломника, идущего в Иерусалим, что проехавший мимо горы Арарат Гагара не удержался от соблазна сообщить своим соотечественникам, что он видел ковчег, чуть ли не собственными глазами: «А на тех горах стоит Ноев Ковчег, и донныне на тех горах»¹¹,—пишет он и для большей убедительности добавляет: «...а поверх тоя горы видети Ноев Ковчег, а потому его знать, что концами стоит на двух горах, а промеж тех гор щель великая, из тоя щели только того Ковчега дно видети, понеже у ковчега дно черно; а на ковчеге снег же лежит той на горе»¹². Дело, однако, не в ковчеге, а в том, что Гагара внес в описание горы Арарат новые интересные детали, заслуживающие внимания. Описывая Арарат, он пишет: «А гора Араратская вельми высока, и мы до нее шли девять дней, и близко является, а дойти не можно; а кто на нее ни пойдет, мнози глаголют, что мало с нея бывают, понеже вельми студено на ней, и от тоя студени люди помирают»¹³.

В другом списке читаем следующее описание Арарата: «Да есть в порубежи турския земли и Кызылбашския земли горы Араракция, а

¹⁰ Публикация И. Сахарова «Путешествие Василия Гагары в 1634 году под названием: «Список хождения в палестинских местах убогаго Василия по прозвищу «Гагары» (в кн. «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым», т. 2, кн. 8, СПб., 1849, с. 109—122); следующая по времени публикация под заголовком «Иерусалимское хождение» дана во «Временнике Императорского Московского Общества истории и древностей Российских», кн. десятая, М., 1851, с. 14—22). Одной из наиболее полных публикаций является публикация С. О. Долгова — «Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары (1634—1637 гг.) под редакцією С. О. Долгова («Православный палестинский сборник», 33-й вып., СПб., 1891, с. 1—102). Долгов пишет, что этот текст проследили—«по всем доселе известным спискам». Один из вариантов «Хождения» Гагары опубликован также Андреем Поповым в книге «Обзор хронографов русской редакции Андрея Попова», вып. 2, М., 1869. Некоторые списки «Хождения» Гагары под заглавием «Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары» опубликованы также В. Адриановой-Перетц в «Сборнике Российской публичной библиотеки», т. II, Материалы и исследования, вып. 1, Петроград, 1924, с. 230—247.

¹¹ «Временник Императорского Московского Общества истории и древностей Российских», кн. десятая, с. 15.

¹² Публикация И. Сахарова «Сказания русского народа...», т. 2, кн. 8, с. 111—112.

¹³ Там же, с. 112.

на них снег лежит лето и зиму¹⁴. Араратские же горы только две; одна гора повыше, а другая пониже; около тех гор иные горы, те и в половине тех гор нет. И многия армени и босурманы покусишася многажды на те Араратские горы взойти, и посмотреть Ноева Ковчега; и как взойдут треть тоя горы, и на них взойдет сон велик; и как уснут, а их Божию силою¹⁵ снесет верст за 20, а иных за 30, а ни единого до полу гору не допустит взойти, а те обе горы круглы и урядны зело. А видеть те горы из великих гор днищ за 50 и боле; а кажется за 3 верст близостию¹⁶.

Если внимательно рассмотреть приведенные тексты, то можно заметить, что Гагара прибавил много нового к имеющимся до этого в русской литературе описаниям Арарата. Он метко заметил ее обманчивую близость с большими расстояниями, отметив, что она «близко является, а дойти не можно», что на ней «снег лежит лето и зиму» и «никогда не исходит», четко описал большой и малый Арарат, правильно отметил, что окружающие его горы «и в половину тех гор нет». Гагара почувствовал и красоту Арарата, когда писал, что «а те обе горы круглы и урядны зело». В сочинении Гагары интересна и другая деталь. Мы отметили, что его предшественник, Федот Котов, касаясь вопроса восхождения на гору Арарат, ограничился фиксацией того, что «на тою гору восходу нет никому», ввиду того, что она постоянно покрыта снегом. Гагара более подробно комментирует этот вопрос. Во-первых, он пишет, что «многие армены и босурманы покусишася многажды на те Араратские горы взойти». Не следует проходить мимо это заявление, ибо известно, что армянская церковь не одобряла попытки подобного восхождения. Утверждение Гагары, приобретает особую ценность, если учесть, что Гагара мог услышать об этом только в Армении и зафиксировать для истории имевшие, видимо, хождение в народе разговоры об этих попытках. Весьма интересно, что Гагара пишет об этих восхождениях как о совершившихся фактах и указывает, что кто пытался совершить восхождение—«как взойдут треть тоя горы и на них взойдет сон велик» и что «ни единого до полу гору не допустит взойти». При этом Гагара акцентирует—«сон велик»—как основную причину, препятствующую восхождению. Это еще больше склоняет к мысли, что он слышал реальные разговоры, оставшиеся от тех, кто действительно делал такие попытки, ибо, преодолев половину горы, человек действительно попадал в зону, вызывающую «сон велик» ввиду большой разреженности воздуха в высокогорных условиях. В одном из незавершенных списков сочинения Гагары, опубликованном В. Адриановой-Перетц, после описания Арарата Гагара, характеризуя климат Араратской долины, отмечает: «такое чудо, что под горами зима не бывала, а на горах лета нет»¹⁷. Удивленный тем, что в одном и том же регионе, в зависимости от высоты, может быть одновременно и зима, и лето, Гагара интуитивно подошел к вопросу о вертикальной климатической зональности, назвав это «чудом».

¹⁴ В другом списке—«а на них лежит снег, и никогда не исходит» (публикация Андрея Попова «Обзор хронографов русской редакции Андрея Попова», с. 235).

¹⁵ Весьма небезынтересно, что в другом списке вместо «божиею силою» сказано «невидимою силою», там же).

¹⁶ «Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских», с. 15.

¹⁷ «Сборник Российской публичной библиотеки», т. II, с. 243.

Видный церковный и политический деятель России XVII века Арсения Суханов¹⁸ в 1651 г. совершил путешествие на Восток—в Иерусалим¹⁹. Путевые записи Суханова, известные под названием «Проскипитарий», содержат интересные материалы, как об армянах и армянском патриаршестве в Иерусалиме, так и о жизни в Армении, которую он наблюдал на обратном пути.

Суханов не заезжал в Ереван и Эчмиадзин, однако, проезжая недалеко от этих мест, он счел нужным оставить записи, относящиеся к ним. И он, как другие русские путешественники, не удержался от соблазна упомянуть в своем сочинении гору Арарат. Говоря об этих местах, Суханов пишет: «от того места Еревани до Училиси²⁰ два дни. Тут гора Араратская, близко было видеть нам кабы верст за 100 и 120; выше всех окрестных гор, остра, вышла холмом; на ней снегу много лежит; на ней Григорий великий Армении молился. А за тою горою дол. место, зовется Арарат, тем долом другая гора Араратская, и тая со снегом. Ныне, сказывают тутошние жильцы, здесь Ноев ковчег. Имя той горе по-турски Агрдаг, а по Армянски Масыс-дас. От того места до Грузинской дороги день один, а до Тифлиса дни четыре...»²¹.

Подробное изучение русских источников и летописных материалов о горе Арарат показывает, что интерес к ней не ограничивался лишь аспектом, связанным с библейской легендой. «Араратским горам» и окружающему их региону вообще отводилось особое место. Так, например, во всех летописях, где идет речь о Ледовом побоище и блестящей победе Александра Невского над немецкими рыцарями, и о том, что имя Невского прославилось в мире, в числе небольшого количества тщательно отобранных летописцем точек земного шара упоминаются и Араратские горы. В летописи читаем:

«И нача имя слыти великого князя Александра Ярославича по всем странам от моря Варяжского и до моря Понтьскаго, и до моря Хупожскаго, и до страны Тиверейския, и до гор Араратских, об ону страну моря Варяжского, и до гор Арависских, даиже и до Рима великаго распространи бо ся имя ему пред тмы тмами и пред тысящи тысящами, и тако прииде к Новугороду с великою победою»²². Эта формула стала как бы канонизированной. Упоминание Араратских гор в связи с именем Александра Невского, в незначительных разночтениях, в сравнении с приведенным текстом, встречается почти во всех русских летописях²³. Комментируя именно это место из русских летописей, акад. Д. С. Лихачев пишет: «Нельзя думать, что перед нами бессознательный трафарет исторической литературы... Это понятие было не только в литературе—

¹⁸ См. Арсений Суханов, Исследование Сергея Белокурова, ч. 1-я, М., 1891, с. 440; ч. 2-я, М., 1893, с. 231; в этом исследовании имеется также много ценных разъяснений и комментариев С. Белокурова, относящихся к Армении.

¹⁹ См. «Путешествие по святым местам Арсения Суханова в 1651 году» (В кн.: «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым», т. 2, кн. 8, с. 187—224).

²⁰ «Училиси», т. е. «Учкилиси»—тюркское наименование Эчмиадзина, что означает «три церкви».

²¹ Публикация И. Сахарова «Сказания русского народа...», т. 2, кн. 8, с. 218.

²² «Патриаршая или Никоновская летопись», с. 128.

²³ «Софийская первая летопись», с. 181; «Симеоновская летопись», с. 65; «Вологодско-Пермская летопись», ПСРЛ, т. 26, М.—Л., 1959, с. 81; «Никаноровская летопись», ПСРЛ, т. 27, М.—Л., 1961, с. 46; «Пискаревский летописец», ПСРЛ, т. 34, М., 1978, с. 92 и многие другие.

оно было в самой жизни и именно из жизни, из действительности проникло в летопись»²⁴.

Не только в летописях, но и в ряде других русских источников имеются интересные детали, свидетельствующие не только о научном, но и политическом интересе к Араратскому региону. И. И. Срезневский опубликовал в свое время «Заметки о землях за Араратом»²⁵, относящиеся к XVI в. В этих заметках читаем: «стоит гора Арарат за Кавкасийскими и Иверскими горами промеж трех морей—Черного, Бакинского и Индейского... из под нея вытекли реки во все три моря... Пойдя на запад от Арарата по турским землям можно прийти в Трапезонт, Цареград, Шам, Иерусалим; пойдя на Восток от Арарата и Гурза по хорасанским землям, можно прийти в Тиверис и в Спаган и в дальнюю Великую орду; а пойдя на полдень в Вавилонское царство, можно прийти в Багдад, в Сафат и в Аламаз»²⁶. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в данном случае Арарат является для автора заметок как бы географическим ориентиром, отправной точкой, от которой идет отсчет других регионов. Более того, в упомянутых «Заметках о землях за Араратом» гора Арарат рассматривается их автором и как определенный политический рубеж. Автор заметок пристально всматривается в события, происходящие в регионе, лежащем за Араратскими землями, пытается разобраться в них и даже прогнозировать их дальнейшее развитие. Комментируя этот документ, И. Срезневский указывает, что «в нем слышен голос человека XV века, именно около половины этого века (после взятия Константинополя турками)»²⁷. И действительно, этот документ свидетельствует об усилении интереса в русской общественной мысли, именно после падения Царьграда, к положению народов, находившихся под иранским и турецким игом.

Весьма примечательно, что в русских источниках XVI—XVII вв., когда Армения уже была расчленена между султанской Турцией и шахским Ираном, авторы этих сочинений отождествляли понятия «Арарат» и «Армения», рассматривая Арарат как символ Армении. Так, например, в словаре XVI в., именуемом «Лексикон славянорусский, составленный Всечестным отцом Кир Памвою Берындою», под словом «Армения» читаем—«Армения, тож что и Арарат»²⁸. Такая формулировка вовсе не является результатом незнания или недоразумения. Изучение русских летописей показывает, что в России, задолго до составления этого словаря, имели четкое и раздельное представление как о «горах Араратских», так и о «Армении Великой и Малой». Тем интереснее в данном случае символическое отождествление этих двух понятий автором словаря. О том, что это не результата ошибок, свидетельствует и то, что в другом словаре—тоже XVI в.—«Азбуковник и сказание о неудобь понимаемых речах»,—мы также встречаем упоминание о горе Арарат, о которой в данном случае четко написано: «Арарат, гора в странах Арменских»²⁹.

²⁴ Д. С. Лихачев, *Повесть временных лет. Историко-литературный очерк* (в кн. *Повесть временных лет*, ч. 2, под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.-Л., 1950, с. 28).

²⁵ «Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. чтения И. И. Срезневского», СПб., 1857, с. 88.

²⁶ Там же, с. 5.

²⁷ Там же, с. 6.

²⁸ См. «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым», т. 2, кн. 5, с. 15.

²⁹ Там же, с. 144.

То обстоятельство, что сведения об Арарате вызвали особый интерес в России, подтверждается даже отношением переписчиков и редакторов исторических сочинений к упоминаниям о горе Арарат. Многие переписчики, которые зачастую сокращали и видоизменяли рукописи, всегда тщательно сохраняли места, связанные с описанием горы Арарат, что иногда приводило даже к недоразумениям.

На один из подобных случаев указывает, например, исследователь списков «Хождения» Василия Гагары С. Долгов. Он пишет: «Исправитель текста хождения упорядочивает путь Василия: ранее он вставил упоминание о попутном Василию городе Астрахани, здесь же направляет путешественника прямо из Тифлиса в Ардаган, выпустив рассказ о граде Ровяни³⁰; но при этом ему жаль было расстаться с заметкой о горе Араратской, и он сохраняет ее, совсем не заботясь слить это замечание с измененным рассказом, благодаря чему Арарат оказывается в тексте второй редакции на расстоянии одного дня от Ардагана»³¹.

Интерес к горе Арарат прочно закрепился в русской общественной мысли и стал традиционным. В русской исторической литературе XVIII в. мы встречаем много упоминаний горы Арарат и интересные комментарии в связи с этим, в частности, в трудах выдающегося русского историка В. Н. Татищева. Известно, что Татищев создал первый русский словарь энциклопедического типа. Это—«Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской». «Лексикон...», как и остальные труды Татищева, при его жизни не вышел в свет. Он был издан спустя почти полвека после его смерти, в 1793 г.

В словнике³² Татищевым было предусмотрено дать в словаре лишь одно слово, относящееся к Армении,—«Араратские горы». Правда, в дальнейшем, он включил и ряд других материалов по Армении, но в данном случае мы остановимся лишь на его статье «Арарат»³³. В этой статье Татищев дает данные о местоположении и краткую физико-географическую характеристику горы Арарат. Он пишет: «Арарат, гора в Персии, провинции Эривань, на верху оной Ноев Ковчег остановился. Ее почитают вышнюю между всеми Кауказскими горами, и хотя на оней снега не много с северной стороны лежит, но на верх ея, для тонкости воздуха взойти человеку не возможно». Как можно заметить, Татищев также затрагивает поставленный в русской литературе вопрос о восхождении на вершину Арарата. Видимо, Татищев был знаком с имеющимися до него мотивировками невозможности подобного восхождения и считал нужным дать этому новое, научное объяснение. Как видим, Татищев, в отличие от своих предшественников—Федота Котова, Василия Гагары и других—не ссылается ни на холод, ни на таинственный сон, нагоняемый невидимой силой, ни тем более на волю божью. Причиной невозможности восхождения Татищев считает «тонкость воздуха», или его разреженность, т. е. дает научное объяснение. Конечно, в те времена Татищев не мог увидеть путей преодоления этого препятствия, но важно то, что он дает материалистическое толкование этого вопроса. Татищев считает нужным также отметить, что «армяне оную так высоко

³⁰ Имеется в виду город Ереван.

³¹ «Православный Палестинский сборник», вып. 33-й, предисловие С. Долгова, с. VII.

³² Ленинградское отделение архива Академии наук СССР, ф. 95, оп. 5, ед. хр. 23, л. 1 (копия).

³³ В. Н. Татищев, Лексикон..., ч. I, СПб., 1793, с. 51—52.

почитают, что при узрении оной землю целуют...». Заслуживает интереса и то обстоятельство, что в статье «Арарат» Татищев, хорошо знавший немецкий язык, полемизирует с Лютером по поводу толкования смысла названия «Арарат», в связи с лютеровским переводом Библии на немецкий язык. «В Библии же переведено Лютером, проклята, или дрожащая, но оба сии не пристойны»,—пишет Татищев.³⁴ Указывая на «непристойность» лютеровского толкования названия Арарата, Татищев остается верным той символике, которая была создана вокруг горы Арарат в русской летописной литературе.

Интерес к горе Арарат нашел свое продолжение в русской научной и художественной литературе XIX и XX вв., в которой можно найти ценнейшие научные сведения, высокохудожественные описания и поэтическую символику, связывающую гору Арарат с историей армянского народа.

ԱՐԱՐԱՏ ԼԵՈՐ ԴՈՒՍԱԿԱՆ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ԱՂԲՅՈՒՐՆԵՐՈՒՄ

ԴՈՐԵՐՏ ԿԱԶԱՏՔԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Ռուսական միջնադարյան աղբյուրներում՝ տարեգրություններում, բառարաններում, եկեղեցական և բաղադրական գրականության մեջ բազմաթիվ հիշատակումներ կան Արարատ լեռան մասին: Արարատը մեծ տեղ է գրավում ռուս ճանապարհորդների՝ Ֆեդոտ Կոտովի, Վասիլի Գագարայի, Արսենի Սուխանովի ստեղծագործություններում: Նշված աղբյուրներում կարելի է գտնել լեռան նկարագրությունները, որոնք վկայում են Արարատի նկատմամբ ռուս մարդկանց մեծ հետաքրքրության մասին: Հետաքրքրությունն Արարատի նկատմամբ ռուսական միջնադարյան աղբյուրներից անցել է ռուսական պատմական գիտությանը: Վ. Տատիշևի և այլ ռուս պատմաբանների, ինչպես նաև գրողների ստեղծագործություններում Արարատ լեռը բազմիցս հիշատակվում է որպես Հայաստանի խորհրդանիշ:

³⁴ Там же.